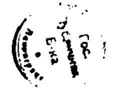
Владиміръ Ж.

Бѣдная Шарлотта

Поэма

СПБ. 1904.

Владиміръ Ж.

Бѣдная Шарлотта

Поэма

СПБ. 1904.

Дозволено цензурою. Одесса, 23 Іюня 1904 г.

Типографія Ц. Крайзъ. Спб., Театральная пл., 4.

Пишу письмо тайкомъ и въ полутьмѣ.
и вы его получите въ конвертѣ
безъ штемпеля темницы.—Я въ тюрьмѣ.
Шарль, я въ тюрьмѣ, и жду на утро смерти,
но чувствую—хоть между нами даль—
что вы меня привѣтствуете гордо
и радостно, что вамъ меня не жаль,
что сами,—Шарль, я въ это вѣрю твердо!—
на днѣ души, сквозь тихую печаль,
вы за меня довольны, вспоминая
мою давно завѣтную мечту:
не улетѣть безъ смысла, какъ шальная
нечаянная пуля, въ пустоту,
и умереть безъ злой тупой досады,
что жизнь ушла сквозь пальцы, какъ песокъ.
Мечта сбылась. Мой траурный возокъ
торжественно пройдетъ среди громады
великаго Парижа, и народъ
потомъ меня въ преданьяхъ назоветъ,
быть можетъ, героинею свободы:
что-жъ обо мнѣ жалѣть?—Я молода,

жить хочется безумно—никогда
мнѣ, можетъ быть, за всѣ былые годы
такъ не хотѣлось жить,—но это страхъ
животнаго, и я имъ овладѣю.
Мнѣ смерть нужна—вѣдь мы въ союзѣ съ нею:
она меня уноситъ на рукахъ
отъ топкаго болота прозябанья
безъ доблести, безъ цѣли, безъ огня,
которое всосало бы меня.
продлись еще минута колебанья!

Шарль, этотъ міръ ужасно близорукъ:
во мнѣ увидятъ образъ для романа,
загадочную женщину-титана,
могучую и властную... Мой другъ,
я не хочу солгать у эшафота.
Скажите всѣмъ, что бѣдная Шарлотта
Кордэ д'Армонъ безсильна и жалка:
въ ея душѣ нѣтъ мускула для страсти,
ни натиска, ни подвига, ни власти,
а вся ея религія—тоска,
безплодная, какъ вѣтеръ. Я бы въ этомъ,
быть можетъ, не призналась никому,—
я бы могла солгать предъ цѣлымъ свѣтомъ,
но не солгу предъ вами. Потому
что для меня вы святы,—слишкомъ святы.
Надъ Франціей ударила гроза:

я, какъ слѣпая, слушала раскаты,
не видя тучъ—вы дали мнѣ глаза;
когда бъ не вы, ушла бы я въ берлогу
тупой тоски, безъ вопля, безъ слезы:
спасибо вамъ—я хоть нашла дорогу,
чтобъ броситься подъ молнію грозы!

О, мнѣ жилось уныло! День, недѣля,—
январь, февраль,—прогулка, сонъ, обѣдъ....
Я дѣвочкой прочла всего Корнеля,
я грезила картинами побѣдъ,
страданьями,—теряла ночи въ думахъ—
а жизнь была, какъ тиканье часовъ:
къ обѣду супъ, и на дверяхъ засовъ,
и дамы говорили о костюмахъ.
Мой духъ, какъ парусъ, бился и рвался,
и звалъ меня, и влекъ,—но я не знала
куда, зачѣмъ,—я плакала, я вся
какъ бы ждала какого то сигнала—
и не было сигнала. А пока
шелъ день за днемъ, и мнѣ жилось уныло,
и въ сердцѣ что то гасло, сохло, стыло,
и схватывала жгучая тоска,—
безплодная, какъ вѣтеръ...
А снаружи
ревѣлъ потопъ, какого шаръ земной
еще не зналъ; и какъ змѣя весной,

опомнившись отъ мертвой зимней стужи,—
земля мѣняла кожу, грохоча
раскатами подпочвеннаго гула:
и въ эти дни, средь этого разгула—
бродить, какъ я, безъ плана, безъ ключа,
лежать безъ силъ въ цѣпяхъ паралича
и вкругъ себя угадывать живое
движенье силъ—о, это было вдвое
ужасно!
Помню, будто бы вчера,
день нашей встрѣчи.—Вамъ, конечно, странно,
что я пишу подробно и пространно
въ послѣдніе часы; но до утра́
далёко, спать я бъ не могла, навѣрно,
и, все равно, вѣдь думала-бъ о васъ. —
Вы помните? Густой дуплистый вязъ,
тѣнистый, какъ шатеръ; подъ нимъ цистерна
и бѣлая скамейка, и въ дуплѣ
пчелиный рой. Весь этотъ уголъ сада
былъ мой дворецъ, и тамъ была прохлада
во всякій зной; и часто, въ полумглѣ,
я тамъ часами слушала тревогу
веселыхъ пчелъ,—глядѣла на дорогу,
которая бѣжала въ Кальвадосъ
у изгороди сада. И однажды—
я помню тонъ, и голосъ вашъ, и каждый
оттѣнокъ—я услышала вопросъ:

— Позволите напиться?

Я готова,

признать себя смѣшной, но до сихъ поръ
я помню весь нашъ первый разговоръ,
до мелочей, не позабывъ ни слова.

Я, вѣроятно, вздрогнула слегка
при окликѣ.

— Простите, я, гражданка,
васъ испугалъ; но я издалека́,
я цѣлый часъ бреду отъ полустанка
и упаду безъ свѣжаго глотка.

Я подала́ вамъ кружку и сказала:

— О, я не испугалась; но порой
жужжанье пчелъ—въ дуплѣ ихъ цѣлый рой—
наводитъ сонъ...

— Вы не боитесь жала?

— Нѣтъ, рой ко мнѣ привыкъ,—вѣдь я всегда
читаю здѣсь, черчу свои пейзажи,
гляжу на пчелъ, любуюся... и даже
завидую.

— Завидуете?

— Да.

Имъ весело. У нихъ родное дѣло,
и жизнь полна.

— Жизнь? Это, вѣдь, бокалъ
въ рукахъ у васъ. Подставьте только смѣло
подъ водопадъ, бущующій со скалъ
исторіи—бокалъ вашъ полонъ влаги:
гдѣ онъ пустой, тамъ просто нѣтъ отваги
наполнить. О, но смѣлому, какъ вы—
занятно жить.

— Я смѣлая?

— Безъ лести:
весь рой жужжитъ у вашей головы—
я бъ не рискнулъ пробыть на вашемъ мѣстѣ
хоть мигъ.

Я засмѣялася въ отвѣтъ:
-- Повѣрьте мнѣ, пчеламъ расчета нѣтъ
меня ужалить. Я ихъ не тревожу.
Когда бы вы поближе знали пчелъ,
вы знали бы, что каждый ихъ уколъ—
конецъ одной пчелы. Пронзая кожу,
ихъ тонкая, въ зазубринахъ, игла
въ ней ломится, и бѣдная пчела
валится въ пыль съ разорванною тканью
груди.

И вы сказали:

— Я не зналъ.
Ну, что-жъ—по мнѣ, скорѣй такой финалъ,
чѣмъ угасать, внимая причитанью,
на собственномъ законномъ тюфякѣ.

Когда бы мнѣ безсиліе мѣшало
жить—съ молотомъ и знаменемъ въ рукѣ,
жить и ковать желѣзо на станкѣ,—
я былъ бы радъ и пасть, вонзая жало.
Но, впрочемъ, я мѣшаю вамъ.
— О, нѣтъ.
Скажите мнѣ,—вѣдь мы тутъ безъ газетъ,—
въ Парижѣ тихо?
— Я какъ разъ оттуда.
Тамъ тихо, да. Могу вамъ дать отчетъ:
во-первыхъ, жирондистамъ—эшафотъ,
и только часть бѣжала; съ биржей худо;
войска бѣгутъ,—но гражданинъ Marat
въ „Ami du peuple“ уже открылъ причину
всѣхъ этихъ золъ: послать на гильотину
еще двѣ сотни тысячъ — и гора
упала съ плечъ, и кончены страданья
республики. Однако, мнѣ пора.
Благодарю, гражданка. До свиданья!

Мнѣ вспомнился давнишній эпизодъ.
У насъ была служанка изъ деревни.
Ей шелъ едва четырнадцатый годъ,
но никогда ни феѣ, ни царевнѣ
волшебной сказки, вѣрно, небеса
не посылали въ даръ такой могучей
и страшной красоты. Ея коса

вѣнчала ей головку словно тучей
изъ золотого пуху, но зато
глаза имѣли цвѣтъ почти агата.
Два года прослужила, и куда-то
пропала, и въ семьѣ у насъ никто
съ тѣхъ поръ не заговаривалъ объ этой
погибшей.—Какъ-то вечеромъ я шла
домой, одна, и вдругъ изъ-за угла
прошелъ мужчина рядомъ съ разодѣтой,
немного насурьмленной госпожой.
Она меня увидѣла, и сразу
оборвала́ неконченную фразу,—
а голосъ былъ какъ будто бы чужой,
надтреснутый,—и сдѣлала мужчинѣ
знакъ отойти. Я почему-то вдругъ
остановилась. Былъ ли то испугъ,
или недобрый стыдъ, но я почти не
могла поднять на эту даму глазъ.
Она ступила шагъ и осторожно
сказала:

— Не сердитесь, я сейчасъ
уйду; но я хотѣла, если можно,
спросить у васъ о вашихъ—объ отцѣ,
о матушкѣ, о васъ...

Взамѣнъ отвѣта,
я только прошептала:

— Туанэта,

зачѣмъ вы это сдѣлали?

В лицѣ

бѣдняжки не мелькнуло ни упрека,
ни злобы, ни вопроса: чья вина?—
и голосомъ, гдѣ слышалась одна
ужасная покорность волѣ рока,
она сказала:

— Въ нашихъ рудникахъ

есть лошади: онѣ съ зари до ночи
всегда внизу; и гдѣ иной рабочій
заблудится съ лампадкою въ рукахъ,
онѣ въ потемкахъ бѣгаютъ, какъ дома.
Имъ подъ землей привычно и знакомо:
копь—это ихъ отечество. Но пусть
одну изъ нихъ оставятъ день на волѣ—
ей подъ землей все будетъ сниться поле,
и станетъ копь чужой—покуда грусть
по солнечномъ привольѣ да работа
не свалятъ съ ногъ.—Я, барышня Шарлотта,
попала къ вамъ изъ нищаго села
и увидала, какъ живетъ богатый.
Я не могла вернуться въ наши хаты,
и бросилась спасаться—какъ могла...

Шарль, я жила въ потемкахъ подземелья,
и вы меня ввели въ свою среду:
я провела пятнадцать дней похмѣлья

въ безуміи, въ восторженномъ бреду:
я видѣла людей борьбы и цѣли,
людей, чьи руки, можетъ быть, владѣли
движеньемъ историческихъ пружинъ—
и съ ними я, пьянѣя, двѣ недѣли
дышала этимъ воздухомъ вершинъ;
я упивалась запахомъ событій,
который вы съ собою принесли;
я вырвалась наверхъ изъ-подъ земли
съ мечтою—жить, и жаждать, и любить, и
бороться; я, какъ малое дитя,
была горда, не находила мѣста,
когда Бюзо́ мнѣ, можетъ быть, шутя,
далъ прочитать черновку манифеста:
О, значитъ, я—своя въ его кружкѣ?
Одна изъ *нихъ*, „со знаменемъ въ рукѣ",—
я, росшая въ потемкахъ подземелья?!.

Прошла минута яркаго похмелья,
и я проснулась тамъ же—въ рудникѣ.

Однажды вы—случилось, видно что-то
серьезное—сказали мнѣ:—Шарлотта,
простите, но... у насъ теперь совѣтъ.—
И я ушла, не вымолвивъ ни слова,
къ себѣ, въ мой садъ, и сѣла, и готова
была рыдать. Во мнѣ, повѣрьте, нѣтъ

обидчивости дѣвочки; но просто
я въ эту ночь такъ ярко поняла̀
всю разницу полета, силы, роста—
между людьми широкаго крыла,
талантливыми, смѣлыми какъ боги,
могучими на подвигъ и на грѣхъ,—
и между мной—улиткой безъ дороги,
la demoiselle, похожею на всѣхъ...

.

Я провела всю ночь подъ нашимъ вязомъ,
и — можетъ быть, отъ холода,—мой разумъ
съ особенной отчетливостью вникъ
и вдумался до дна въ пустыя строки
моей судьбы. Трепать страницы книгъ,
написанныхъ другими; брать уроки
гражданской мысли; вѣчно, безъ конца,
млѣть отъ восторга, хлопая въ ладоши
словамъ другихъ,—и дѣлать видъ борца,
держась за край чужой тяжелой ноши, —
да разносить по людамъ каждый день—
и это въ знакъ особаго довѣрья!—
написанный другими бюллетень
Жиронды: роль чужого подмастерья,
роль мальчика, что̀ зарядилъ ружье
бобомъ—и мчится важно и серьезно
передъ полкомъ,—не жизнь, а подъ нее
дешевая подделка...

Было поздно,—
и, выскользнувъ изъ вихря этихъ думъ,
я почему-то вслушалася въ шумъ
ночного мрака. Сдержанно и грозно
и глухо рокотала тишина,
и чудилося, будто бы со дна
вселенной подымалися раскаты
ея звѣриной мощи. Міръ гудѣлъ
и трепеталъ, и въ отдыхѣ объятый
стихійной жаждой творчества, богатый
зародышами новыхъ силъ и дѣлъ,—
и въ этой тьмѣ, которая, нахмуря
бездонный взоръ, глядѣла мнѣ въ глаза,
мнѣ слышалась далеко буря, буря,
гремящая надъ родиной гроза,
богъ-ураганъ, могучій и красивый,
весь въ отблескахъ и заревахъ огня,
зовущій всѣхъ на ловъ, на бой, на нивы,—
всѣхъ сильныхъ и живыхъ—но не меня,
безсильную, безжизненную груду
матеріи; чужая на пиру,
среди борцовъ и пахарей я буду
лишь мухою, мѣшающей повсюду,
и проживу какъ муха, и умру
какъ муха...

Шарль, ото всего на свѣтѣ
я бъ отреклась охотно: я бъ могла
спокойно жить безъ крова и угла,
безъ счастія, безъ мысли о привѣтѣ
и ласкѣ, безъ надежды на просвѣтъ—
но только жить безъ гордости не надо.
Гдѣ впереди *ей* больше мѣста нѣтъ,
тамъ сорвана послѣдняя преграда,
и наступила заповѣдь: умри.

Я поняла, что мой исходъ—могила,
и вдумалася въ это, и забыла
все на землѣ, не видя ни зари,
ни солнечнаго круга, и проникласъ,
и какъ-то вся сроднилася и свыклась
съ рѣшеніемъ, что жить уже нельзя,
и такъ ушла въ сознаніе кончины,
что предо мной, стремительно скользя,
помчались позабытыя картины
прошедшаго, какъ будто въ смертный часъ,—
и въ мигъ ушли, пропали, тѣнь за тѣнью,
и дали мѣсто лучшему видѣнью
всей жизни: я задумалась о васъ,
припомнила вашъ голосъ, ваши рѣчи,
припомнила бесѣду первой встрѣчи
подъ этимъ самымъ деревомъ—и вдругъ
во мнѣ какъ будто что-то задрожало,—

я съ крикомъ оглянулася вокругъ—
увидѣла, что рой летѣлъ на лугъ,
и повторила:
— Пасть, вонзая жало!

Я стихла и смотрѣла—невдали
рѣзвилися двѣ пчелки въ брызгахъ солнца,—
двѣ искорки, два золотыхъ червонца
изъ золотыхъ сокровищницъ земли—
и думала: вы—золото природы,
я—сѣрый, хмурый, мертвенный свинецъ.
Нанесть ударъ и въ немъ найти конецъ—
не вашъ удѣлъ: предъ вами годы, годы
служенія, у васъ задача—трудъ,
вамъ надо жить, кормя родимый улей:
не золото для выстрѣловъ берутъ:
я, сѣрый комъ свинца,—я стану пулей!

Свѣтло. Пора сдержать размахъ пера—
и, можетъ быть, и вообще *пора*:
хотя и рано, кажется, но кто-то
ужe прошелъ по сонному двору.
Прощайте, братъ, и помните сестру.
Я вспомню васъ на плахѣ, и умру
съ улыбкой.

Ваша бѣдная Шарлотта.